

2008.04.009. КРЮГЕР Г.-Р. ДВИЖЕНИЯ НЕНАВИСТИ. ВОЗВРАЩАЯСЬ К СМЫСЛУ ГРАММАТИКИ ЧУВСТВ МАКСА ШЕЛЕРА.

KRÜGER H.-P. Hassbewegungen. Im Anschluss an Max Schelers sinn-gemässe Grammatik des Gefühlslebens // Deutsche Ztschr. für Philosophie. – В., 2006. – Jg. 54, Н. 6. – S. 867–883.

Тема ненавистнических движений слабо разработана в социальных науках, притом что массмедиа полны ежедневных сообщений об индивидуальных и групповых взрывах ненависти, волнами обрушивающихся на современный мир. Исследователи, отмечает автор статьи, Ханс-Петер Крюгер (Институт философии при университете Потсдама, Германия), часто опрометчиво идентифицируют подобные чувства только с разрушительными инстинктами вражды и злобы, проходя мимо того факта, что причинами этого аффекта могут быть и наилучшие побуждения.

Типичные в наше время объяснения феномена ненависти усматривают его источник в индивидуальных интенциях, а не в реальной структуре социальных заблуждений (порождаемых формами власти). Такое понимание ведет лишь к новому витку банализации зла. Вместе с тем не следует думать, что все дело только в ужасных последствиях политических баталий. Не менее плодотворным для изучения мотивов ненависти может оказаться, по мысли Крюгера, феноменологическое рассмотрение логики развития этого комплекса чувств, позволяющее сопоставить его с противоположным строем чувств – любовью. Такое сопоставление поможет, по мнению автора, выявить возможности позитивного преобразования структуры социальных переживаний.

Б. Паскаль некогда поставил вопрос о «логике сердца» (*logique du cœur*). Однако в западной философии восторжествовал благодаря Декарту и Канту дуализм эмоциональности и рациональности, который неизбежно принуждает к выбору и приводит в пылу споров к ресентименту и с одной, и другой стороны. Все это не способствует решению наболевших проблем (с. 868).

Кроме Паскаля и Ницше, есть только один философ, считает автор, серьезно размышлявший о продуктивной роли ресентимента в культуре и политике, – это Макс Шелер. В современных дискуссиях никому не удастся подняться до его уровня феноменологиче-

ского анализа любви и ненависти, утверждает Крюгер. Поэтому в своем замысле уловить общий смысловой порядок развития чувств он опирается на концептуальное видение Шелера, который прослеживал путь вызревания ненависти в контрасте и на фоне рождения любви.

Есть большая опасность в признании самоценности (по аналогии с другими переживаниями) смыслового вектора зарождения ненависти. Стремясь предостеречь от такого рода умозаключений, Крюгер предлагает детально рассмотреть шелеровскую интерпретацию категории *ordo amoris*, чтобы по-новому взглянуть на специфику возникновения чувства ненависти и ее связь с образованием ресентимента.

Прежде чем поспешно принимать теоретическую или эмпирическую стратегии объяснения, нужно спросить, существуют ли в жизни дистиллированные рациональность и эмоциональность.

В сегодняшней дискуссии о природе эмоций преобладает их редукция к состояниям (ситуациям или сентиментам). Однако как из самих по себе слов не вывести правил грамматики, так и из одних состояний не выстроить смыслового порядка чувств. Для этого необходимо рефлексивным образом восстановить ход генерирования смысла.

Крюгер утверждает, что ошибочные истолкования причин и логики развития движений ненависти возникают из смешения представлений о состояниях, контекстах и колебаниях («осцилляциях» в терминах автора) чувств. Поэтому, чтобы разобраться в направлении движения чувств и оценить степень их концентрации, он считает нужным, используя разработанную Шелером последовательность феноменологических процедур, подробно охарактеризовать каждый из этих структурных элементов жизни чувства.

1. Важно различить тип состояний. Многие состояния связаны с ожиданиями, прочно закрепленными социокультурным дискурсом и имеющими не предполагающий исследования ответ. Трудность для наблюдающего составляют случаи, когда возникает неясность, к какому разряду – управляемых или неуправляемых – можно отнести те или иные чувственные состояния (с. 871).

2. Затем следует воссоздать контекст управляемых (ожидаемых) состояний. Здесь достаточно, указывает Крюгер, восстановить связь между средствами и целями действия, т.е. «мотивацию»,

благодаря которой движение переживаний распределяется соответственно смыслу действия. Наглядный пример такой оптимизации дает смена эмоциональных состояний в процессе обучения или исследования.

3. Далее следует остановиться на контексте неуправляемых состояний. Есть состояния (Шелер их специально не выделял), развивающиеся сами собой, недостаточно определенные, чтобы стать действенными, или даже сознательно уводящие от действия. Это гораздо более стабильные и потенциально конфликтные структуры, которые могут захватывать сознание на длительное время. В таких случаях говорят о депрессивной больной душе (У. Джеймс), о хронической скуке (Хайдеггер), о неопределенном страхе (Кьеркегор). Можно сослаться на примеры противоположного типа – неистребимое жизнерадостное мироощущение. Так или иначе, возникает стойкий эмоциональный фон (ассоциирующийся с гуссерлевским образом горизонта сознания), который актуализирует потребность в установлении границ неопределенности переживания (с. 872). Автор подчеркивает, что эти границы или рамки можно уловить в направлении смены состояний от управляемых к неуправляемым, которое делает все более отчетливым понимание того, что можно лишь отчасти манипулировать настроениями, как, например, оттягивать возвращение депрессии в случае болезни медикаментозными средствами.

4. Проблему управляемости-неуправляемости чувств Шелер связывает с феноменом сочувствия. Мотивы действия и переживания могут разделяться многими, несмотря на естественную обособленность каждого Я. Виды сочувствия (подражание, единение, эмпатия, симпатия) могут различаться по степени и качеству.

5. Предыдущие шаги – различение контекстов управляемого и неуправляемого чувства, а также форм и степеней сочувствия – подводят, по Шелеру, к проблеме ценностной самооценки, поскольку процесс самоидентификации личности происходит в пограничной области между собой и другим, при определении принципа взаимоотношений и действий. Для автора центральным во всех звеньях этой цепочки является вопрос: что же вызывает ценностный конфликт, который может долго скрываться за обретенной идентичностью (с. 874)? Ответ на него он выводит из шелеровского объяснения специфики движений любви и ненависти,

укорененных, в отличие от других чувств, в ценностных привязанностях (Wertebindung). Именно свойство соотнесенности с другим Я придает им пограничный характер.

Я-отношения складываются и разрушаются в этой смене «неподдельного смеха и слез» (по выражению Плеснера), в соответствии с тем, что они могут или не могут принести. Эти переживания – безусловно необходимые фантазмы жизни, через призму которых оценивается все фундаментально важное для личностной структуры.

Движения любви и ненависти говорят не о конечном самоопределении, но о потребности в самореализации, условия которой в значительной мере не подвластны Я (с. 875). Самость обретается в момент перехода границы, на той кромке, где человека могут «поджидать» удача и счастье, несчастье и судьба. Несомненно, рассматриваемая культурно-исторически, эта граница продуцирует возможности человеческого Я (с. 875). Это означает, уточняет автор мысль Шелера, что пограничная связь остается для смыслового порядка жизни в целом творческой задачей культуры. Тем самым Шелер косвенно соединяет вопрос об опыте персонального самоописания (актуальный для общества модерна) с религиозным ответом, укоренным в христианской традиции.

Воссоздавая смысловые звенья изменения эмоциональных состояний, автор выдвигает на первый план проблему ценностного контекста жизни чувств, но не прибегает для ее решения к шелеровской аналогии с ценностной семантикой, выработанной христианством. Крюгеру ближе в данной связи мысль К. Ясперса: «Нет [особой] ценности, которую открывает любовь, но в любви все становится значимым» (цит. по: с. 876). Наблюдатель может ее описать только феноменологически, в перспективе ее движения, устремленности к «высшему бытию ценности». Смещение проявлений любви с контекстом деятельности (2) ведет к фетишизму, к эрзацу любви (цит по: с. 876).

Какие же, вопрошает далее автор, приоритеты лежат в основе аффектов ненависти? Они, согласно логике Шелера, не меньше, чем любовь, защищают ценности самоосуществления, но в противоположном по смыслу направлении.

Ненависть для тех, кто ею одержим, является «позитивным актом», как форма страсти она сама по себе не противостоит миру

ценностей. Правильнее здесь говорить об одобрении низменных влечений, побуждающих к цинизму, к умалению всего, что дорого, в крайнем выражении, – к уничтожению высших ценностей. Развитие этого разрушительного чувства происходит через все те же эмоциональные состояния, контексты и колебания, что и любовь, только в обратную сторону – обесценения жизненных порывов души.

6. Наконец, последний важный для автора момент в шелеровском обосновании грамматики чувств касается оценки значимости с точки зрения жизненных стратегий взаимоотношения движений любви и ненависти. Состояния, контексты колебания этих чувств существенны не сами по себе, но в рамках ценностей, которые делают возможным смыслообразование. Главное, подчеркивает вслед за Шелером автор, заключено в преобразующем воздействии страданий, изживании страстей.

В последней части статьи автор обращается к логике перерастания ненависти в ресентимент и уже в данной связи вновь задает себе вопрос: что означает феноменологическая гипотеза Шелера об обратном по смысловому направлению движению ненависти относительно любви? Очевидно, речь идет о «примате любви над ненавистью» в перспективе образования смыслового порядка жизни. «Ненависть – лишь реакция на нелюбовь. Неверна, – замечает Шелер, – поговорка, будто тот, кто не может ненавидеть, не способен любить, скорее наоборот: кто не любит, тот не умеет ненавидеть»¹.

Однако в переходе от любви к ненависти, заложенном в структурном потенциале смыслового порядка, нет автоматизма, есть только структурное условие развития форм видов и образа движений любви. Весомой причиной для ненависти может быть, по Шелеру, «разочарование в недостойном поведении или в отсутствии достойного поведения»². Чаще всего, толкует шелеровскую мысль автор, такие чувства возникают в процессе длительной межличностной связи, с которой акторы идентифицируются. В предельном случае преемственность подобного переживания, охватывающая поколения, затрагивает все субкультуры и культуры.

¹ Scheler M. *Ordo Amoris* // Scheler M. *Von der Ganzheit des Menschen*. Ausgewählte Schriften / Hrsg. von M.S. Frings. – Bonn, 1991. – S. 24. – (1. Aufl. 1916).

² Ibid. – S. 25.

Открытое выражение ненависти не так отравляет сознание, как ресентимент (в определении Ницше), затаенная, накопленная озлобленность, постепенно разрушающая иерархию ценностей (цит. по: с. 880). Ресентиментные настроения набирают силу не там, где гнездится крайняя нужда, но на определенном культурном уровне, в мелкобуржуазной среде, представители которой ставят свое ценностное самоопределение в зависимость от сравнения с ценностными предпочтениями власть имущих. Таким образом, появляются два варианта реализации своих возможностей: идти либо по пути карьеристов, либо по пути, отягощенному ресентиментом. И в том и в другом случае приходится переживать драму ценностного конфликта, чтобы понять, к чему приводит попытка «перешагивания через себя».

Неудивительна поэтому, на взгляд автора, острота переживаний фундаменталистов, вне зависимости от их религии или мировоззрения, вызванных переменами в образе жизни в результате секуляризации и плюрализации. Крюгер дискутирует по данному поводу с Г. Агамбенем, говорящим о становлении «планетарной мелкобуржуазности», в которой якобы скрыт невиданный запас непредвзятого восприятия другого, нового, в силу того что хотя она (мелкобуржуазность) возникает в различных культурах, но становится интернациональной в условиях незащищенного, оторванного от корней существования. По мнению Крюгера, он слишком поспешно делает свои выводы. Социологическая интуиция Шелера говорила об обратном. Именно мелкобуржуазные слои – от ремесленников и хозяев малых предприятий до служащих и священничества – особенно подвержены ресентиментным настроениям. Автор находит подтверждение его суждениям в историко-культурных фактах. Именно эта социальная группа добивается в 70-е годы массового доступа в университеты, в 80-е годы – стимулирования культурной и медиаиндустрии, провоцирует напряжение и столкновения с представителями низших или наиболее привилегированных слоев.

Среди ее представителей возникает сильное желание реализовать признанные обществом ценности. С другой стороны, поскольку ценностные ориентиры встроены в поле социальных позиций, властный резерв которых сразу не определен, они вынуждены вступать в карьерную борьбу под постоянной структурной угрозой падения и потому часто ощущают страх бессилия. Эта двойствен-

ность социальной мотивации дает плодородную почву для возникновения ресентимента как предъявляемого счета за все жертвенные попытки завоевать место под солнцем и, прежде всего, за неопцененные усилия любви. Глобально оседающий ресентимент является важнейшим межкультурным ресурсом человеческой жизни чувств. Именно чувство справедливости, соразмерное живой человеческой сущности, открыто допускает ресентимент как обычную для капитализма экономическую компенсацию за ущерб извращения ценностного порядка (с. 882).

Шелер исходил, еще раз подчеркивает автор, из ценностных рамок, в которых мир и человек могут действительно гармонично сочетаться или, напротив, становятся враждебными друг к другу в зависимости от условий материальной реализации. В этой материально-априорной трактовке содержания ценностей заключается своеобразие этического проекта Шелера, противостоящего и утилитаризму, и кантовскому морализму. Его этическая позиция, по мнению автора, помогает понять, почему сегодняшние атаки терроризма не могут быть радикально отражены в рамках монополистической политики власти и экономизации.

Крюгер убежден в том, что феноменологическая грамматика чувств Шелера дает новый импульс к переосмыслению культурно-исторического значения движений ненависти и ресентимента.

Л.В. Гирко